

А.А. Вознесенский

Мастера

П о э м а
из семи глав
с реквиемом
и посвящениями

Первое посвящение

*Колокола, гудошники...
Звон. Звон...*

*Вам,
Художники
Всех времен!*

*Вам,
Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молнией заживо
Испепелял талант.*

*Ваш молот не колонны
И статуи тесал —
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал.*

*Художник первородный —
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно — бунт.*

*Вас в стены муровали.
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
Плясали на костях.*

*Искусство воскресало
Из казней и из пыток
И било, как кресало,
О камни Моабитов.*

*Кровавые мозоли.
Зола и пот.*

Яростные, русские,
Красные рубахи.

Очи — ой, отчаянны!
При подобной силе —
Как бы вы нечаянно
Царство не спалили!..

Бросьте, дети бисовы,
Кельмы и резцы.
Не мечите бисером
Изразцы.

IV

Не памяти юродивой
Вы возводили храм,
А богу плодородия,
Его земных дарам.

Здесь купола — кокосы,
и тыквы — купола.
И бирюза кокошников
Окошки оплела.

Сквозь кожуру мишурную
Глядело с завитков,
Что чудилось Мичурину
Шестнадцатых веков.

Диковины кочанные,
Их буйные листы,
Кочевников колчаны
И кочетов хвосты.

И башенки буравами
Взвивались по бокам,
И купола булавами
Грозили облакам!

И москвичи молились
Столь дерзкому труду —
Арбузу и маису
В чудовищном саду.

V

Взглянув на главы-шлемы,
Боярин рек:
— У, шельмы,
В бараний рог!

Сплошные перламутры —
Сойдешь с ума.
Уж больно баламутны
Их сурик и сурьма.

Купец галантный,
Куль голландский,
Шипел: — Ишь, надругательство,
Хула и украшательство.
Нашел уж царь работничков —
Смутьянов и разбойничков!
У них не кисти,
А кистени.
Семь городов, антихристы,
Задумали они.
Им наша жизнь — кабальная,
Им Русь — не мать!
...А младший у кабатчика
Все похвалялся, тать,
Как в ночь перед заутреней,
Охальник и бахвал,
Царевне
Целомудренной
Он груди целовал...

И дьяки присные,
Как крысы по углам,
В ладони прыснули:
— Не храм, а срам!..

...А храм пылал вполнеба,
Как лозунг к мятежам,
Как пламя гнева —
Крамольный храм!

От страха дьякон пятился,
В сундук купчишко прятался.
А немец, как козел,
Скакал, задрав камзол.
Уж как ты зол,
Храм антихристовый!..

А мужик стоял да подсвистывал,
Все посвистывал, да поглядывал,
Да топор
рукой все поглаживал...

VI

Холод, хохот, конский топот да собачий звонкий лай.
Мы, как дьяволы, работали, а сегодня — пей, гуляй!

Гуляй!
Девкам юбки заголяй!

Эх, на синих, на глазурных да на огненных санях...
Купола горят глазуньями на распахнутых снегах.
Ах! —
Только губы на губах!

Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки, караси.
По соборной, по собольей, по оборванной Руси —
Эх, еси —
Только ноги уноси!

Завтра новый день рабочий грянет в тысячу ладов.
Ой вы, плотнички, пилите тес для новых городов.
Го-ро-дов?
Может, лучше — для гробов?..

VI

Тюремные стены.
И нем рассвет.
А где поэма?
Поэмы нет.

Была в семь глав она —
Как храм в семь глав.
А нынче безгласна —
Как лик без глаз.

Она у плахи.
Стоит в ночи.

.
И руки о рубахи
Отерли палачи.

Реквием

Вам сваи не бить, не гулять по лугам.
Не быть, не быть, не быть городам!

Узорчатым башням в тумане не плыть.
Ни солнцу, ни пашням, ни соснам — не быть!

Ни белым, ни синим — не быть, не бывать.
И выйдет насильник губить-убивать.

И женщины будут в оврагах рожать,
И кони без всадников — мчаться и ржать.

Сквозь белый фундамент трава прорастет.
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.

Растрезанным бабам на площади выть.
Ни белым, ни синим, ни прочим — не быть!
Ни в снах, ни воочию — нигде, никогда...
Врете,
 сволочи,
Будут города!

Над ширью вселенской
В лесах золотых
Я,
Вознесенский,
Воздвигну их!
Я — парень с Калужской,
Я явно не промах.
В фуфайке колючей,
С хрустящим дипломом.
Я той же артели,
Что семь мастеров.
Бушуйте в артериях,
Двадцать веков!
Я тысячерукий —
 руками вашими,
Я тысячеокий —
 очами вашими.
Я осуществляю в стекле и металле,
О чем вы мечтали,
 о чем — не мечтали...

Я со скамьи студенческой
мечтою, чтобы зданья
ракетой
 стоступенчатой
взвивались
 в мирозданье!
И завтра ночью тряскою
в 0.45
я еду
 Братскую
осуществлять!

*...А вслед мне из ночи
Окон и бойниц
Уставились очи
Безглазых глазниц.*

1959